

Григорий СТАРИКОВСКИЙ

Григорий Стариковский родился в 1971 году в Москве. Закончил Колумбийский университет (кафедра классической филологии). Переводил «Одиссею», Пиндара, Вергилия, Проперция, Авла Персия. Сборники стихов «Левиты и певцы» (2013) и «Автономный источник» (2017). Преполагает латынь и мифологию. В «Волге» публикуется с 2014 года (в том числе под псевдонимом Герман Бер). Живет в Нью-Йорке.

8 СТИХОТВОРЕНИЙ

лежит земля, которая – восток,
скорее тихий жест, чем долгий лес
на карте окружной, чем зоркий свист
и павший лист, его осенний хруст.

переезжая реку, говорю
воде, как я ее люблю,
стекающую с темных гор,
простой плацкарт ее и разговор,

и берега стоят – скупая весть
о вереске; тумана сизый воск
висит между амбаров и берез,
которые придумал роберт фрост.

здесь фростом стынет мутная природа,
гравийный путь и ржавые ворота,
надлом холма и близкое болото –
всё тихое имущество рассвета.

фрост

такое здесь чужое, что – своё,
я повторяю, – как игре на скрипке,
учился он латыни, – луч сквозь ветви
легчайший шевелится «ла-ла-ли»,
и яблоки ударных гласных все на месте,
висят, свободные, я не могу смахнуть
нелепость эту с глаз, – так было
в начале сказано, но сдохло на родном
дыхании, как та «земля», в которой

ни режущего свойства нет, ни сдвига
к прозрачности, зачем такая мне?

я в лес вошел, и был он вмятен,
и барбарис прозрачно-строг,
я злые ягоды заметил,
алеющие на восток.

нетронутая паутина
легко рвалась, велосипед
проехал мимо, над камнями
висел, как выдох, водопад.

я сам листаю эту осень
с мучнистым солнцем вдалеке,
и мне не нужно встречных жизней
с собачками на поводке.

бегущая на плечаа камней вода —
вчера еще — темный, ленивый лед,
дохлый табор, сегодня ты — плёская шаль,

звон червонцев и злые глаза камней,
и заглавия острых, по кромке летящих троп,
восклицательный зуд комаров, слепней.

прозревает песнь, пьется слаще кровь,
над затылком земли неживая сосна растет
под углом, как неправильно вбитый гвоздь.

тресковый мыс

мелкое место в двух минутах
велосипедных, над заболоченным берегом
чаячий хохот катится.

серая, долгая кровля,
обшитые дранкой стены, море моё на отливе
держит камушек за щекой.

демосфен воды, научи говорить прямо,
не выкручивать полотенце, не собирать мидий
в разрисованное ведро.

научи розоветь лопнувшей кожей
перевернутых лодок, тростником разбалтывать
птичий, веселый воздух.

огизовский гончаров
сорок восьмого года, всё что
осталось от 48-го, обложка
твердая, сделанная под мрамор.

сохранились следы
прикосновений: здесь, например,
переворачивали пожелтевшую страницу.
догадываюсь, чьи это были
подушечки пальцев.

текст, напечатанный в две колонки,
две зернистые простыни слов,
два колодца, брось туда камень, –
дно не всплеснется темной водою, и всё же

я благодарен за топкий диван этой прозы,
за несчастный халат и послеобеденный сон,
сдобные плечи пшеницыной,
сладкие локти ее.

знаешь, мне надоело зажигать свечи,
соберу лучше этот мусор, сваленный
на обочине, и выстрою памятник выше
деревьев – к просверку рельс на эстакаде,
к холодным вагонам метролинии «эф».

в дело пойдет, что окажется под рукой:
велосипедная резина, фрагменты детской кровати,
несъедобная китайская гадость
и черные нервующиеся пакеты,

не зря же мы их называем вечными.

твое ломкое имя впишут в каменный свиток,
и вспыхнут семь свечей под твоим лицом,
и поляки перестанут копать землю, и рыжие
комья земли превратятся в перья, и камушки,
лежащие на приступке, упадут в траву,

и ты увидишь, — ты не совсем умерла.
ты будешь значить что-нибудь, пока пассажиры
по длинной лестнице поднимаются на платформу,
и в небесном сабвее механический повторяет голос:
«не прислоняйтесь к дверям, не скапливайтесь у входа».

я спасался от зноя в спортзале.
сидел на скамейке. пил теплую воду.
тьма наступала всякий раз внезапно.
я вставал и делал два шага в сторону.

свет, поперхнувшись косточкой темноты,
узнавал меня и включался:
баскетбольный щит синел,
как почтовый ящик, на стенах углились флаги.

на футбольном поле чествовали выпускников.
дети в квадратных шапочках
и глубоких плащах улыбались в камеру,
поднимали в воздух корочки аттестатов.

я подносил к глазам бутылочный пластик,
смотрел на разошедшийся мир, его задохнувшийся клей —
по следу дырявого солнца, по долгому свету
можжевеловой гаснущей мысли.